

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1875—1878 гг. И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Академик А. Л. Нарочницкий

Прошло столетие со времени подъема национально-освободительной борьбы балканских народов против чужеземного ига и Балканского кризиса 1875—1878 годов¹. Составная часть этого кризиса — русско-турецкая война 1877—1878 гг., несмотря на реакционность царизма, имела важные прогрессивные последствия для балканских народов: она оказала прямое содействие их борьбе за национальную независимость, против турецкого феодально-абсолютистского гнета. Важную роль в ходе Балканского кризиса 1875—1878 гг. играла политика так называемых великих держав, породившая множество противоречивых мнений в исторической литературе. Вот почему уместно обратиться к итогам исследования этих проблем, которые уже давно занимают советских историков.

За 100 лет об этих событиях накопилась огромная литература, было издано множество документальных материалов. Анализ политики великих держав и балканских государств в 1875—1878 гг. продвинулся с тех пор далеко вперед, хотя еще во многом не завершен. Представление о характере, причинах и содержании Балканского кризиса того времени постепенно менялось и обогащалось по мере его изучения. Известны примитивные публицистические версии, взятые из дипломатических фальшивок и прессы 70-х годов прошлого века, о Балканском кризисе как результате «происков русских эмиссаров»², о том, что захват Константинополя был извечной целью царской России, легенды об «обороне» Австро-Венгрии и Англии от «русской агрессии», о «бескорыстной защите целостности» Турецкой империи Англией, о «защите» Австро-Венгрией «порядка» в Боснии и Герцеговине, о том, что политика России диктовалась одними только религиозно-национальными симпатиями к славянам. Подобные легенды имели хождение в прошлом, да и сейчас еще не совсем забыты³. Балканские события долгое время анализировались в российской и зарубежной буржуазной историографии также с точки зрения традиционной дипломатической истории, формального хода дипломатических переговоров, но внутренние причины кризиса, национальные движения, народные восстания, классовая сущность политики государств и позиции политических партий и течений не рассматривались.

Однако такой устарелый подход уже уступил место более глубокому научному анализу событий 1875—1878 годов. Прогресс научного исследования совершался в ходе критического пересмотра и отбрасывания перечисленных выше штампов, преодоления националистической

¹ Балканский кризис понимается в статье как охватывающий события 1875—1877 гг., русско-турецкую войну и последовавшее за ней мирное урегулирование.

² С. А. Никитин. Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-е годы XIX века. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии, 1946, т. III, № 1, стр. 87—91.

³ С. А. Никитин. Восточный кризис 70-х годов XIX в. в новейшей литературе. «Краткие сообщения» Института славяноведения АН СССР. М. 1964. Вып. 40, стр. 29—30 и др.

идеализации позиции тех или иных государств, установления более полной и точной картины фактов на основе архивных и других источников. Югославские ученые, например, отвергли неверное представление относительно причин боснийско-герцеговинского восстания, которое якобы вспыхнуло вследствие подстрекательства иностранных агентов, хотя этой точки зрения придерживался в сербской буржуазной историографии один из видных ее представителей, С. Йованович⁴. В. Чубрилович, В. Чорович, М. Экмечич и другие югославские ученые⁵, опираясь на факты, решительно подчеркивают ошибочность этого мнения. Современная югославская историография внесла крупный вклад в разработку истории боснийско-герцеговинского восстания и его международных последствий. В болгарской историографии были подвергнуты критике английские «Синие книги», в которых утверждалось, что борьба славян против Турции была спровоцирована русской агентурой.

Разумеется, в рамках статьи невозможно осветить все аспекты Балканского кризиса в целом, подробно рассмотреть международные проблемы, возникавшие в его ходе. Наша задача более ограничена — изложить основные итоги исследования советскими историками политики великих держав в связи с Балканским кризисом 1875—1878 годов. Понять и оценить значение выводов советской исторической школы по этой проблеме можно лишь сопоставляя их с выводами буржуазной историографии. Необходимо также иметь в виду общность основных принципиальных позиций советских ученых в освещении этих проблем с концепциями историков социалистических стран.

Общеизвестно, что наша историческая наука опирается на марксистско-ленинскую методологию, которая дает теоретическую основу для широкого комплексного классового подхода к истории балканских стран и кризиса 1875—1878 гг. с учетом процессов социально-политического и экономического развития. Отсюда вытекает подход к балканским событиям и к так называемому восточному вопросу XVIII — начала XX в. как к сложному переплетению процессов внутреннего упадка, разложения Османской империи, развития национально-освободительных движений, образования и роста молодых национальных государств, противоречий между великими державами в этом регионе. К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали их агрессивные цели на Ближнем Востоке и в то же время отмечали, что в сложившейся обстановке и греки, и славяне «видят в России свою естественную покровительницу»⁶. Русско-турецкие войны и политика России постепенно подрывали турецкое господство на Балканах, содействовали образованию и развитию там буржуазных национальных государств.

Положение на Балканах в последней трети XIX — начале XX в. глубоко осветил В. И. Ленин. Он исходил из необходимости учитывать теснейшую связь внешней и внутренней политики, глубокие истоки процессов и событий, лежащих в основе Балканского кризиса 1875—1878 гг., и давать их классовый анализ. В. И. Ленин подчеркивал, что при изучении общественной жизни надо всесторонне анализировать всю совокупность фактов, учитывать сложные исторические явления в их взаимосвязи, тогда как выхватывание отдельных «фактиков» не дает надежной основы для правильных выводов, есть только «игра в примеры»⁷. При исследовании политики великих держав исходным моментом дол-

⁴ С. Јовановић. Сабр. дела. Т. VII. Влада Милана Обреновића. Београд. 1934, стр. 492.

⁵ В. Чубриловић и В. Чоровић. Србја од 1858 до 1903. Београд. [1938], стр. 74; см. также В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Србији и XIX в. Београд. 1958; его же. Босански устанак. Београд. 1930; М. Екмечић. Устанак у Босни 1875—1878. Сарајево. 1960.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 22.

⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 350.

жно служить выяснение целей и интересов господствующих классов, которым принадлежала решающая роль в определении внутренней и внешней политики.

Для анализа сущности кризиса 1875—1878 гг. важное значение имеет правильное понимание прогрессивной роли национально-освободительных движений и образования самостоятельных национальных государств. В. И. Ленин не раз подчеркивал позитивную роль освободительных национальных движений, в частности на Балканском полуострове. Он писал, что в эпоху крушения феодализма и абсолютизма и складывания буржуазно-демократического общества и государства «национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д.». Для этой эпохи «типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»⁸. В. И. Ленин отмечал, что в это время народное движение является общедемократическим, то есть «буржуазно-демократическим по своему экономическому и классовому содержанию». В другом месте он писал, что «наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств»⁹.

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — писал В. И. Ленин, — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹⁰. Капитализм на Балканах, указывал В. И. Ленин, развивается в конце XIX — начале XX в. бурно, но неравномерно. «В Восточной Европе — на Балканах, в Австрии и в России — мы видим наряду с районами высокоразвитого капитализма угнетение масс феодализмом, абсолютизмом, тысячами остатков средневековья. Крестьянин в Боснии и Герцеговине на берегах Адриатики до сих пор задавлен крепостниками-помещиками»¹¹. Развитие капитализма ставило в порядок дня ликвидацию отживших остатков средневековья в этом регионе Европы.

Национальное движение народов Балканского полуострова В. И. Ленин оценивал как прогрессивные усилия, направленные на создание буржуазных национальных государств. Касаясь русско-турецкой войны 1877 г., В. И. Ленин писал, что ее содержанием являются «буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹². И в событиях 1877—1878 гг. В. И. Ленин прежде всего видел их наиболее характерные особенности, которые для балканских народов выражаются в присутствии периода развития капитализма образовании национальных государств. «1877—1878: (Освобождение национальных государств на Балканах.)»¹³ — так характеризовал В. И. Ленин этот период в «Тетрадах по империализму». Войны в этот период, писал он, «были связаны, несомненно, с *важнейшим* «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета»¹⁴. В. И. Ленин подчеркивал зависимость

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 264.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144; т. 25, стр. 262.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 155.

¹¹ Там же, стр. 136.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 668.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 101.

национальных вопросов на Балканах от социально-экономических, указывая, что решение последних явится и предпосылкой успешного решения национальных проблем. Он отмечал, что лишь «доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»¹⁵.

Отвергая с интернационалистических позиций все разновидности националистической идеализации политики великих держав, В. И. Ленин раскрывал буржуазную и помещичью сущность этой политики, ее экспансионистский характер, характеризовал ее как «систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова»¹⁶. Указывая на положительные результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг., следствием которой явилось «освобождение национальных государств на Балканах», он здесь же отмечал, что вмешательство европейских держав в ближневосточный кризис 1875—1878 гг. было вызвано захватническими целями. «Грабят («делают») Турцию (Россия + Англия + Австрия)», — так характеризовал он события 1877—1878 годов. Результаты Берлинского конгресса В. И. Ленин оценивал именно как раздел, ограбление Турции великими державами. «Берлинский конгресс (грабят Турцию)»¹⁷, — подчеркивал он¹⁸.

Можно сказать, что привлечение новых источников и критическое исследование проблем Балканского кризиса 1875—1878 гг. подтвердили приведенные выше оценки и положения В. И. Ленина. Ниже рассматриваются важнейшие итоги исследований советских историков в области политики каждой из великих держав¹⁹ в Балканском кризисе.

Политика России. Классические в советской исторической литературе труды С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова, С. А. Никитина и другие работы и документальные публикации позволили воссоздать в целом правильную картину политики России на Балканах в 1875—1878 годах²⁰. Они разработали цельную концепцию роли России в Балканском кризисе, раскрыли обусловленность ее политики, показали несостоятельность ряда легенд и вымыслов зарубежной и российской дореволюционной публицистики и историографии, дали оценку позиции некоторых общественных течений, в частности славянофилов и панславистов, в отношении балканских событий того времени.

Документально установлено, что царское правительство (прежде всего Александр II, князь А. М. Горчаков, военный министр, министр финансов, шеф жандармов и др.) длительное время всячески пыталось добиться разрешения Балканского кризиса дипломатическим путем, старалось удержать от войны Сербию и Черногорию. Причиной этому были слабая подготовленность России к войне, финансовые трудности, нежелание форсировать развал Османской империи в условиях, когда этим вследствие военной и экономической слабости России с наибольшей выгодой могли воспользоваться Англия, Австро-Венгрия и другие

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 188.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 225.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 668, 672.

¹⁸ Свой анализ международных отношений на Балканах В. И. Ленин в дальнейшем развил и продолжил применительно к эпохе империализма, особенно в связи с Балканскими войнами 1912—1913 гг., первой мировой войной, но это уже вопросы, выходящие за рамки данной статьи.

¹⁹ Кроме Италии, позиция которой остается еще в советской исторической литературе почти не исследованной.

²⁰ С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1. М. 1928 (2-е изд. М. 1974); В. М. Хвостов. История дипломатии. Т. II. М. 1963; С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М. 1960; «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы. В 3-х тт. (публикация подготовлена совместно с болгарскими историками). М. 1961—1967; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. V, гл. V (автор Л. И. Нарочницкая). М. 1968, и многие другие работы и публикации.

великие державы, страх перед возможностью их новой коалиции против России. Царское правительство стремилось не допустить, чтобы начавшиеся на Балканском полуострове восстания переросли во «всеобщее возмущение», и добивалось от султана проведения реформ. Россия оказывала в этом вопросе наиболее активное дипломатическое давление на Турцию. Версия же о том, что восстания в Герцеговине и в Болгарии были делом рук русских подстрекателей, не имеет ничего общего с действительностью.

Когда Балканский кризис возник, правительство России сочло необходимым оказать поддержку национально-освободительной борьбе южных славян, видя в них опору своего влияния на полуострове. Вместе с тем оно, учитывая неготовность России к войне и слабость сил самих балканских народов, предостерегало их от преждевременных и изолированных выступлений. Довольно подробно освещены, но требуют еще более глубокого исследования некоторые разногласия в правительственных сферах России по этим вопросам — действия посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, сторонника проведения более активной политики на Балканах, настроения некоторых идеологов крайней реакции вроде К. П. Победоносцева, желавшего войной с Турцией отвлечь народное недовольство и упрочить царский режим военными победами.

В конечном итоге, когда Сербия, воевавшая с Турцией, оказалась перед угрозой полного разгрома, правительственные круги во главе с Александром II приняли решение начать войну с Турцией, чтобы избежать потери своего влияния на Балканском полуострове, укрепить и расширить его победоносной войной. Ярко выраженный реакционный характер имело стремление царского правительства путем военных побед отвлечь от себя народное недовольство в самой России, укрепить реакцию внутри страны и свое влияние в Европе. На эти цели царизма указывали К. Маркс и Ф. Энгельс²¹. Достигнуты они в ходе войны не были. Вместе с тем удар, нанесенный по турецкому господству на Балканах, и помощь освободительному движению балканских народов были фактами прогрессивными.

Значительному уточнению подверглись представления о территориальных притязаниях России к Турции. Теперь можно считать доказанным, что захват Константинополя не входил в планы царского правительства. Территориальные требования России ограничивались Южной Бессарабией и Батумом, а вопрос о Карсе и Ардагане возник лишь в ходе войны. Зато Австро-Венгрия еще перед войной добилась согласия России на оккупацию Боснии и Герцеговины²² при условии предоставления им автономии.

Нередко буржуазные авторы утверждают, что Россия поддерживала главным образом болгар и в меньшей мере оказывала содействие Сербии и Черногории. Известно, что переориентация Сербии на Австрию в 1867 г. и последовавший затем выход из Балканского союза Черногории и Греции весьма затрудняли более активную политику России в западной части Балканского полуострова. Серьезные трудности в этом плане создали Рейхштадтское соглашение 1876 г. и Будапештская конвенция 1877 г., предоставлявшие Австро-Венгрии решающую роль в западной части Балканского полуострова. За нейтралитет Австро-Венгрия требовала в качестве компенсации согласия на занятие ею Боснии и Герцеговины и обязательства России не создавать на Балканах крупного славянского государства. Российское правительство пыталось удерживать Сербию от объявления войны Турции, но было твердо намерено

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 43, 47.

²² См. тексты Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции («Русско-германские отношения 1873—1914 гг.», М. 1922); С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 47 (здесь и ниже ссылки на 2-е изд.).

не допустить ее разгрома Турцией и стало на ее защиту. Русский ультиматум Порте был предъявлен после неоднократных обращений князя Милана к России с просьбой о помощи. Это необходимо учитывать, как и территориальные приращения к Сербии и Черногории, предусмотренные Сан-Стефанским договором 1878 года. К сожалению, отношения России с Сербией и Черногорией, дипломатические переговоры с ними в 1875—1878 гг. до сих пор не освещены еще в достаточной мере в советской историографии и архивный материал по этим вопросам еще далеко не полностью использован.

Поддержка царским правительством освободительного движения балканских народов, несомненно, была обусловлена его собственными классовыми целями, в частности стремлением к расширению своего влияния, ослаблению господства Турции на Балканском полуострове и осуществлению некоторых территориальных притязаний. Однако это отнюдь не перечеркивает положительное значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для утверждения и развития самостоятельных балканских государств и прогрессивное значение той поддержки, которую балканским народам оказывали русская армия и различные круги русского общества. Важное значение имело укрепление связей русских общественных кругов и боевого сотрудничества русской армии и добровольцев с балканскими народами, прежде всего с болгарским.

Глубокая вера болгар в Россию как в своего защитника от турецкого господства вызывала недовольство среди европейских политиков, стремившихся представить болгарский народ пассивно переносящим свое угнетенное положение. Составители некоторых западноевропейских публикаций пытались создать впечатление, что освобождение Болгарии было совершено русской армией без участия ее населения и даже вопреки его воле²³. В противовес этой неверной концепции в советской и болгарской марксистской историографии большое внимание уделено изучению русско-болгарского боевого сотрудничества в борьбе против османского владычества. В память освобождения Болгарии был издан специальный сборник²⁴ и ряд других книг. Русская армия вступила в страну, народ которой активно помогал ей в войне против Турции. В 1877—1878 гг. развернулось широкое русско-болгарское боевое содружество, способствовавшее победе над Турцией.

За последние десятилетия появились не только новые советские и болгарские исследования истории русско-турецкой войны, но был издан ряд специальных работ и документальных публикаций, осветивших роль России в борьбе за освобождение Болгарии и, в частности, такие вопросы, как военное обучение болгар, формирование болгарского ополчения, ход совместных русско-болгарских вооруженных действий против Турции. В итоге была более точно определена роль национально-освободительной борьбы болгарского народа в русско-турецкой войне. Изучено было не только участие болгарских отрядов в военных действиях против турецкой армии, но и добровольная экономическая помощь населения русским войскам, первые шаги по воссозданию национального Болгарского государства и т. д.²⁵

В историографии Народной Республики Болгарии на основе прежде всего болгарских источников Д. Косевым, Х. Христовым и другими учеными глубоко освещена история боевого содружества русских воинов и болгарского народа. Д. Косев следующим образом определяет значение русско-турецкой войны: «Необходимо прежде всего помнить,

²³ См. «Parliamentary Papers (Blue Books) — Turkey». (London), 1876—1878; «Correspondence respecting the Affairs of Turkey». L. 1877.

²⁴ «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953.

²⁵ Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М. 1956; П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М. 1950; В. Д. Конобеев. Русско-болгарское сотрудничество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М. 1953.

что она спасла болгарский народ от новых громадных жертв, которые он неизбежно понес бы в жестокой и неравной борьбе с Османской империей»²⁶. Болгарские историки отмечают огромные жертвы, принесенные русским народом в борьбе за освобождение поработенных Турцией южнославянских народов. Болгарский народ был освобожден ценой жизни 200 тыс. русских воинов. Несмотря на реакционность замыслов царизма, русская армия помогла славянским народам в их борьбе против турецкого владычества. В ходе русско-турецкой войны совершилась, по сути дела, буржуазно-демократическая революция, уничтожившая прогнившую османскую феодально-деспотическую систему и расчистившая путь для капиталистического развития Болгарии. Разумеется, освобождение принес Болгарии не тот «радикальный переворот», который проповедовал болгарский революционный демократ Христо Ботев. Царское правительство было вынуждено взять в Болгарии курс на создание конституционной буржуазной монархии, хотя и пыталось затем поддерживать в стране реакционные группировки.

Советские историки положили начало изучению процесса ликвидации турецкого феодального землевладения (Н. Г. Левинтов). Болгарские авторы Х. Христов, Л. Беров внесли крупнейший вклад в исследование этой проблемы. Затем было более конкретно установлено (работы В. Д. Конобеева) существо социального переворота в Болгарии. Ликвидация турецкой верховной собственности на землю привела к упразднению феодальной ренты и превратила болгарских крестьян в полных собственников обрабатываемой земли.

Как известно, в ходе русско-турецкой войны был ликвидирован государственный аппарат турецкой власти и воссоздано Болгарское государство в форме конституционной монархии. Его организация была осуществлена при активном воздействии русского гражданского управления. Органы местного самоуправления создавались самим населением на освобожденной от турецких войск территории при поддержке русских военных и гражданских властей. Помощь России в возрождении болгарской государственности также имела важное прогрессивное значение вопреки реакционности царизма. Воссоздание Болгарского государства было предусмотрено Сан-Стефанским мирным договором. По его условиям Болгария была объявлена самоуправляющимся княжеством в границах, которые вызвали решительные возражения на Берлинском конгрессе со стороны западных держав. Хотя Берлинский конгресс значительно урезал эти границы, но именно 3 марта 1878 г. — день подписания Сан-Стефанского мира — стал днем освобождения Болгарии от турецкого ига. Каждый год болгарский народ отмечает этот день как свой национальный праздник.

Вопрос о политике России в отношении Румынии в эти годы также получил освещение в ряде исследований советских историков, особенно в работах М. М. Залышкина и Е. Е. Чертана²⁷. Анализ экономического и политического положения Румынии в середине 70-х годов XIX в. привел их к выводу, что предпосылкой создания румынского буржуазного государства было внутреннее развитие страны. Вместе с тем созданию из Валахии и Молдавии единой помещичье-буржуазной Румынии способствовали политика России, заинтересованной в подрыве условий

²⁶ Д. Косев. Характер и значение на русско-турската война през 1877—1878 гг. «Освобождението на България от турско иго». София. 1958, стр. 9.

²⁷ М. М. Залышкин. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М. 1974; Л. Г. Бескровный. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов. «Вопросы истории», 1967, № 6; В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан. Россия и формирование Румынского независимого государства. М. 1969 (разделы, посвященные 1875—1878 гг., написаны Е. Е. Чертаном); Н. К. Головкин. Историческая роль России в освобождении Румынии от турецкого ига. Автореф. канд. дисс. Кишинев. 1956.

Парижского мира 1856 г., и отчасти политика Франции. В 1877—1878 гг. война России с Турцией и русско-румынский союз в этой войне явились необходимым условием достижения Румынией полного освобождения от турецкого господства.

Национальные интересы Румынии требовали оказания содействия и активной помощи южным славянам, но ее правительство в начале Балканского кризиса заняло позицию нейтралитета. Одной из причин этого было враждебное отношение Австро-Венгрии и Англии к стремлению Румынии достичь полной независимости от Турции. Более благоприятная позиция России в этом вопросе, сочувствие широких масс румынского народа национально-освободительному движению южных славян, усилившееся движение за независимость внутри страны привели к изменению политики нейтралитета и сближению с Россией. Именно заключение политической и военной конвенции с Россией в начале апреля 1877 г., объявление войны Турции привели к провозглашению независимости Румынии 9 мая 1877 года. Победы русской армии имели решающее значение для закрепления этого результата. Участие Румынии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на стороне России помогло подтвердить и закрепить право Румынии на самостоятельное национальное существование, что и нашло затем отражение в решениях Берлинского конгресса. Решение проблемы независимости было достигнуто Румынией при объединении ее усилий с усилиями России.

Таким образом, детальное исследование взаимоотношений России и Румынии также показало, что, какие бы цели ни преследовали господствующие классы России в странах Балканского полуострова, ее политика в этом регионе имела многие объективно прогрессивные последствия. Россия, несмотря на реакционность царизма, оказала значительную помощь Румынии в ее борьбе за полное объединение, сохранение и расширение автономии Румынского государства, помогла достижению независимости страны, признав за нею права суверенного государства. В результате проведенных советскими историками исследований более широкое освещение получили также русско-румынские революционные и другие общественные связи того времени.

Александр II, Победоносцев и значительная часть правительственных кругов рассматривали движение южных славян исключительно с точки зрения внешнеполитических выгод царского правительства. Прибалтийская знать, представителей которой было немало на русской дипломатической службе, относилась иронически к идеям панславистов. Этой же позиции в значительной мере придерживались и сам Александр II, и великий князь Александр Александрович (будущий царь Александр III).

Реакционные панслависты на первое место ставили свои религиозные и националистические идеи, носились с химерическими планами славянской федерации на Балканах под эгидой царизма, что, впрочем, не входило в намерения самого царского правительства.

Иной была позиция широких слоев русского общества и народных масс. В России развернулось бурное общественное движение в защиту южных славян. В нем и, в частности, в сборе пожертвований принимали участие и дворяне, и купечество, и интеллигенция. Интересно подчеркнуть, что большую часть денежных и других пожертвований в фонды помощи внесли простые трудовые люди — крестьяне и горожане. Многие из революционных народников принимали участие в движении в защиту балканских народов. Известна роль в этом движении выдающихся художников (В. Поленов, К. Маковский), писателей (Г. Успенский и др.), врачей (С. Боткин), критиков (В. Стасов), скульпторов (М. Антокольский). Их побуждения отличались высоким бескорыстием и благородством. Русские добровольцы, врачи, сестры милосердия нередко показывали примеры беззаветного самопожертвования. Широко

известен подвиг русской девушки Юлии Вревской, графини родом, ставшей сестрой милосердия и в условиях походной жизни погибшей от болезни в 22-летнем возрасте.

Новейшие исследования и публикации намного расширили наше представление о позиции различных общественных кругов и течений в России в отношении освободительного движения южных славян против турецкого господства и русско-турецкой войны. Рассмотрение литературы по этим вопросам выходит, однако, за рамки статьи. Советские ученые исследовали также отклики на Балканский кризис не только в Европе, но и в США и Японии²⁸, однако и этот вопрос лежит за пределами рассматриваемой темы. Как было упомянуто, советские историки показали, что надежда реакционных правительственных кругов на то, что война с Турцией отвлечет общественное недовольство и укрепит самодержавие, не оправдалась. Огромные издержки на войну и людские потери содействовали дальнейшему ослаблению царского режима внутри страны. Как известно, сразу же после русско-турецкой войны в России возникла революционная ситуация 1879—1881 гг., изучением которой занята большая группа советских ученых во главе с М. В. Нечкиной.

Политика Австро-Венгрии. В ходе Балканского кризиса, особенно во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., важное значение имела позиция Австро-Венгрии. Советские ученые всегда подчеркивали классовую помещичье-буржуазную суть политики правящих кругов габсбургской двуединой монархии. Эти круги хотели сохранить и упрочить господство над народами своей многонациональной державы, распространить ее власть или политическое влияние на другие народы Балканского полуострова. С этой точки зрения для них особенно важное значение приобретало подавление национально-освободительного движения балканских народов, в первую очередь славянских. Из всего этого вытекал и ярко выраженный реакционный и экспансионистский характер политики Австро-Венгрии, на Балканах в частности, ее экономическая экспансия в этом направлении в связи с возрастающим значением рынка балканских стран для австрийской буржуазии. Одним из важнейших средств австрийского проникновения в этот регион являлось железнодорожное строительство на Балканском полуострове. Планы овладения Боснией и Герцеговиной также имели свой экономический аспект.

В Австро-Венгрии важная роль принадлежала мадьярскому дворянству, которое было особенно заинтересовано в подавлении освободительного движения славянских народов, так как большая часть населения «земель короны св. Стефана» состояла из славян. Граф Д. Андраши олицетворял эту мадьярскую политическую группировку в австро-венгерском правительстве. Вместе с тем некоторые представители правящих кругов австрийской части империи вынашивали планы превращения ее из дуалистической в триалистическую с тем, чтобы ослабить венгерское влияние, создав третью, славянскую, часть Габсбургской монархии. Они намеревались путем сделки с Россией разграничить сферы влияния на полуострове, включить в состав своего государства южнославянские области западной половины Балкан, начав эту политику с захвата Боснии и Герцеговины. В создавшейся ситуации графу Андраши приходилось маневрировать при осуществлении внешнеполитического курса. Указанные исходные моменты австро-венгерской политики на Балканах нашли отражение в фундаментальных трудах С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова²⁹ и других советских ученых.

²⁸ А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М. 1956.

²⁹ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 85—86; С. Д. Сказкин. Указ. соч.

После потери Ломбардии (1859 г.) и поражения в войне с Пруссией (1866 г.) стремление австрийских правящих кругов к захвату Боснии и Герцеговины стало проявляться все более заметно. Выдвигались соображения военно-политического и экономического характера, например, о том, что, пока эти области находятся в руках Турции, нельзя думать об экономическом подъеме империи. Высказывались мнения, что территориальные потери предшествующих времен требуют «компенсации». Весной 1875 г. император Франц-Иосиф II совершил поездку в Далмацию, в основе которой лежали военно-экономические мотивы. Но для того, чтобы осуществить эти цели, надо было доказать, что Турция не способна управлять указанными провинциями, и сделать так, чтобы они не попали в руки других великих держав³⁰.

Хотя Андраши был против какого-либо расширения Габсбургской монархии на юг, он все же вынужден был прислушиваться к мнению двора и военно-аристократических кругов. В официальных выступлениях вплоть до весны 1875 г. он маскировал политику Австро-Венгрии, заявляя, что она абсолютно не помышляет об оккупации Боснии и Герцеговины. При этом он оставлял лазейку, отмечая, что такая политика может иметь место до тех пор, пока безопасность империи не будет затронута³¹. Секретная же деятельность в этой области шла полным ходом. В лице России Австро-Венгрия видела главного противника осуществления своей политики на Балканах. Не имея особых экономических интересов на Балканах вследствие неразвитости своей промышленности и транспорта, Россия в определенных рамках оказывала помощь национально-освободительному движению и пользовалась большой симпатией патриотов не только в восточной, но и в западной части Балканского полуострова³².

Австро-русские противоречия и антиславянская направленность политики Габсбургской монархии отразились в 1875—1876 гг. на рассмотрении проекта реформ в Боснии и Герцеговине, находившихся под властью султанской Турции. Пресловутая нота Андраши (30 декабря 1875 г.) приглашала Турцию и великие державы к проведению умеренных реформ для облегчения участи христианских подданных султана. Нота преследовала цель по возможности ограничить роль России и Сербии в определении характера указанных реформ, поставив этот вопрос в зависимости от участия в его решении ряда других держав. В особенности Андраши стремился урезать политические требования народов Боснии и Герцеговины и оставить их пока под властью Турции. Он считал, что легче осуществить на Балканах экономическую экспансию при сохранении «дряблой» Турции, и опасался дальнейшего развития Балканского кризиса³³. Одновременно он искал тайного соглашения с Россией на случай войны.

Инициаторами публикации важнейших источников о подлинных целях Австро-Венгрии в ходе Балканского кризиса явились советские ученые³⁴. Осложнения на Балканах в середине 70-х годов XIX в. ставили новые задачи перед правительствами Австро-Венгрии и России, каждое из которых искало выгодных для себя решений. Такая попытка имела место во время встречи в Рейхштадте Франца-Иосифа II и Андраши с Александром II и Горчаковым (8 июля 1876 г.). Как известно, специального протокола не было подписано, но остались записи бесед в двух редакциях (русской и австрийской), отличающиеся друг от друга

³⁰ Th. Sosnosky. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarn seit 1866. Bd. I. Stuttgart und B. 1913, S. 136—140, 177.

³¹ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 85.

³² См. С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 47.

³³ С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 37—43, 46—47, 51—52, 60 и др.

³⁴ См. «Красный архив». Т. I. М. 1922.

по содержанию³⁵. Обе стороны декларировали «принцип невмешательства» в балканские дела, который являлся скорее результатом отсутствия взаимоприемлемых решений. Взрывоопасная ситуация на Балканах сохранилась. По русской записи, Австро-Венгрия в случае войны и перекройки карты Балкан получала только часть Боснии, по австрийской,— всю Боснию и большую часть Герцеговины. Очевидно из этого, что в ходе беседы аппетиты Австро-Венгрии не были удовлетворены и полной договоренности не было достигнуто, хотя австрийский император Франц-Иосиф II внешне был очень доволен результатом этой встречи.

Рейхштадтская сделка была уточнена, как известно, Будапештской конвенцией, в которой отражено было, в частности, стремление Австро-Венгрии не допустить создания на Балканах большого славянского государства. Российское правительством дало такое обещание, хотя самый термин «большое» допускал весьма различные толкования. При поддержке Германии и Англии Андраши упорно добивался своей цели, выторговывая у России уступки. Он рассчитывал, что в случае русско-турецкой войны Австро-Венгрия сохранит нейтралитет и вместе с тем оккупирует в виде «залога» Боснию и Герцеговину.

Условия Сан-Стефанского мирного договора, способствовавшие возрождению Болгарского, Румынского, Сербского и Черногорского государств, находились в явном противоречии с планами Австро-Венгрии. Для уточнения ее позиции в марте 1878 г. в Вену была послана миссия во главе с российским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым³⁶. На миссию обрушился град обвинений в нарушении условий Рейхштадта и Будапешта. Австро-Венгрия требовала обеспечения себе торгового пути к Эгейскому морю, экономического влияния в Вардарской долине, выступала против ослабления Турции и т. д. В планы двуединой монархии входило противопоставление друг другу Сербии и Болгарии, чтобы, сталкивая их, укрепить свое влияние на Балканах. Андраши заявил Игнатьеву, что будет настаивать на созыве европейского конгресса, и пригрозил союзом с Англией.

Эта программа нашла горячее одобрение у германского канцлера О. Бисмарка. Андраши легко достиг взаимопонимания и с Англией, позиция которой была близка к австро-венгерской. 6 июня 1878 г. три державы подписали договор о проведении согласованной политики на конгрессе. На Берлинском конгрессе позиции Германии и Англии содействовали тому, что Австро-Венгрия без единого выстрела получила Боснию и Герцеговину; были удовлетворены и другие ее претензии. Подъем национально-освободительного движения в этих областях был временно подавлен.

Все это подтверждает, что политика Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины носила экспансионистский и реакционный характер. Шаг за шагом следуя своей цели, она на Берлинском конгрессе в основном добилась ее реализации. Нельзя не отметить откровенный характер заявления Андраши на заседании конгресса 28 июня 1878 года. Он сказал, что в Боснии и Герцеговине царит «анархия» и больше нельзя «сидеть в бездействии», когда на территорию империи проникают тысячи беженцев, содержание которых ложится тяжелым бременем на государство и местных жителей. Мысль о предоставлении боснякам и герцеговинцам автономии казалась ему совершенно неприемлемой³⁷.

³⁵ Текст русской записи см.: «Русско-германские отношения 1873—1914 гг.», стр. 37—39. Содержание австрийской записи приводится в книге: E. von Wertheimer, Graf Julius Andrássy: sein Leben und seine Zeit. Bd. 2. Stuttgart. 1913, S. 322—324.

³⁶ С. Л. Чернов. Миссия Н. П. Игнатьева в Вену (К вопросу о русско-австрийских отношениях накануне Берлинского конгресса 1878 года) «Вопросы истории СССР». Сборник статей. М. 1972.

³⁷ «Les protocoles du Congrès de Berlin avec le Traité Préliminaire de San-Stefano du 19 février (3 mars) 1878 et le Traité de Berlin du 13 juillet 1878». St. Petersburg. 1878.

Реакционность этих рассуждений и желание Андраши подавить освободительное движение в Боснии и Герцеговине очевидны.

Советские историки подчеркивают, что политика Австро-Венгрии в годы Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ничего общего не имела с «защитой» Турции, что и показала оккупация Боснии и Герцеговины. Австрийские авторы много писали на эти темы, главным образом в официально-публицистическом плане, они идеализировали политику Андраши, игнорируя ее классовые основы³⁷. Оценки же политики России биографом Андраши Е. Вертхаймером, по вполне обоснованному мнению американского историка Д. Раппа, особенно тенденциозны³⁸. Известным шагом вперед явилась более объективная публикация А. Новотного³⁹.

Политика Германии. Выше уже отмечалось, что во время Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Австро-Венгрия поддерживала Германия. Советские историки обоснованно отвергли официальные бисмарковские легенды о беспристрастии «железного канцлера» и его роли «честного маклера» на Берлинском конгрессе. Российские дипломатические источники, открытые после Великой Октябрьской социалистической революции для изучения и публикации, а также издание германских дипломатических документов ясно показали, что Германия поощряла экспансию Австро-Венгрии на Балканах. Занятая на Востоке, Габсбургская монархия должна была полностью отказаться от реванша за Садовую и не могла бы уже никогда претендовать на восстановление былого влияния в Южной Германии. Общеизвестно, что сам Бисмарк в своих «Мыслях и воспоминаниях» (т. II) расценивал австро-венгерский дуализм как своего рода плотину против славянства. Отсюда неизбежно вытекала определенная поддержка Германской империей экспансии Австро-Венгрии на Балканах. В то же время Бисмарк подстрекал Россию к войне с Турцией, чтобы ослабить ее. А это означало, что в случае возникновения австро-русского конфликта Германия встанет на сторону Австро-Венгрии. Сближение с ней позволяло Бисмарку проводить независимую от России политику. И когда в 1876 г. Горчаков через военного уполномоченного германского императора в Петербурге генерала Б. Ф. Вердера решил выяснить позицию Германии на случай австро-русской войны, ответ германской стороны был ясен: если Австро-Венгрии будет угрожать опасность, то Германия выступит на ее стороне⁴⁰. В дальнейшем Бисмарк защищал интересы Австро-Венгрии, особенно ее претензии на Боснию и Герцеговину, в ходе подготовки и проведения Берлинского конгресса и оказывал давление на Порту.

Важным и убедительно обоснованным тезисом советских исторических трудов является то, что уже в ходе Балканского кризиса, а вовсе не после Берлинского конгресса, закладывался фундамент австро-германского антирусского союза. Основа этого союза наметилась не в результате антигерманских выступлений русской печати после Берлинского конгресса, а ранее, уже в ходе Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Советские историки осветили сложный характер дипломатической игры Бисмарка. Он подталкивал Россию к войне в расчете на то, что она увязнет на Балканах и в большей мере будет зависеть от позиции Германии. Франция осталась бы тогда изолиро-

³⁷ R. Charnatz. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert. Bd. I—II. Leipzig. 1914; E. von Wertheimer. Op. cit. Bd. 1—2. Stuttgart. 1910—1913.

³⁸ G. H. Rupp. A Wavering Friendship: Russia and Austria. 1876—1878. Cambridge, L. 1941, p. 571.

³⁹ «Quellen und Studien zur Geschichte des Berliner Kongresses 1878». Bd. I. Hrsg. von A. Novotny. Graz. 1957.

⁴⁰ См. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871—1914» (далее — «Die Grosse Politik»). Bd. I. B. 1922. № 296, S. 159 и др.

ванной, а Австро-Венгрия надежно повернула бы к союзу с Германской империей. Раздувая осложнения на Балканах и на Ближнем Востоке, Бисмарк отклонял предложения о решении ряда вопросов на мирной конференции, прикрывая свою политику миротворческой фразеологией⁴¹. В марте 1877 г. Бисмарк обещал России не только нейтралитет в случае русско-турецкой войны, но и дипломатическую поддержку. Подобные же обещания давались и Турции.

Как и следовало ожидать, победа России в войне не была выгодна ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Англии. Поэтому на Берлинском конгрессе Россия оказалась в изоляции. В итоге Австро-Венгрия более других усилилась на Балканах, заняв Боснию и Герцеговину. Это имело и свои последствия. С. Д. Сказкин отмечал: «Русско-турецкая война и Берлинский конгресс создали наконец ту международную ситуацию, которую Бисмарк считал желательной с точки зрения германских интересов. Оказав поддержку Австрии, он уже стал фактически на почву тех отношений, которые были затем оформлены в австро-германском союзе»⁴².

Важность приведенных выше выводов советских ученых и необходимость их популяризации видны, в частности, из того, что некоторые историки ФРГ до сих пор недооценивают старания Бисмарка изолировать Францию и его воинственные угрозы в ее адрес, особенно во время военной тревоги в 1875 году. Они умалчивают о поощрении Бисмарком экспансии Австро-Венгрии на Балканах. В ряде книг западногерманских авторов Бисмарк необоснованно именуется «апостолом общеевропейского мира». Единственным возмутителем спокойствия в Европе в 70-х годах XIX в. изображается Россия. Особенно выделяется панславизм как источник всех «беспорядков» на Балканах, хотя не подлежит сомнению отрицательное отношение наиболее влиятельных кругов при царском дворе к панславизму. В духе австрийской публицистики 70-х годов XIX в. восстания балканских народов против турецкого ига и теперь изображаются некоторыми историками ФРГ как результат действий «панславистских агитаторов». Современные историки ФРГ восхваляют позицию Бисмарка, который в 1876 г. дал знать России, что Германия не допустит разгрома Австро-Венгрии. Они хвалят и провокационную политику Бисмарка в ходе Балканского кризиса 1875—1878 гг., пытаются толковать ее как «миротворчество». Воспроизводятся и устаревшие версии о «беспристрастности» Бисмарка, о его роли «честного маклера» на Берлинском конгрессе. Эти тенденции присущи книгам таких западногерманских буржуазных историков, как А. Хильгрубер, В. Моммзен, Ф. Хазельмайр, В. Рихтер⁴³. Подобные концепции повторяются и в ряде других работ, вышедших в ФРГ.

В то же время историки ГДР приходят к заключениям, весьма близким к выводам советских ученых. В противоположность открытой апологии действий Бисмарка в западногерманской историографии ученые ГДР подходят к этим вопросам объективно. Они уделяют много внимания внешнеполитическому курсу Бисмарка⁴⁴, раскрывают его политику в отношении Франции, приведшую к созданию острых конфликтных ситуаций, отмечают, что Бисмарк старался создать условия для повторения «локализованной войны» против Франции. Во второй половине

⁴¹ «Die Grosse Politik». Bd. 2. №№ 279, 261.

⁴² С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 81.

⁴³ А. Hillgruber. Bismarcks Aussenpolitik. Freiburg. 1972, S. 131, 135—136, 139, 145—151; W. Mommsen. Bismarck. Ein politisches Lebensbild. München. 1959, S. 170, 175—176; Fr. Haselmayr. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reichs von 1871—1918. I. Buch. München. 1955, S. 104—182; W. Richter. Bismarck. Frankfurt am Main. 1973, S. 294, 298, 338, 339, 361—369. См. также К. Д. Петряев. Мифы и действительность в «критическом» пересмотре прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев. 1969, стр. 182—183.

⁴⁴ См. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1970. Sonderband. Historische Forschungen in DDR 1960—1970». В. 1970, S. 472—473.

70-х годов XIX в. германское правительство намечало возможность «превентивной войны» против Франции во избежание войны на два фронта в будущем⁴⁵. Бисмарк разжигал противоречия между Россией и Австро-Венгрией в интересах своей политики, имея в виду усиление позиций Германии. Он был ярким противником освободительной борьбы балканских народов и стремился использовать для этой цели реакционные силы других государств, прежде всего Австро-Венгрии. Политика Бисмарка в ближневосточном кризисе 1875—1878 гг. содействовала поддержанию напряжения на Балканах⁴⁶ и возникновению русско-турецкой войны. Э. Энгельберг (ГДР) пишет, что вся политика «железного канцлера» носила милитаристский характер. Ученый решительно выступает против изображения Бисмарка в качестве миротворца, противника войны, разоблачает несостоятельность легенды о политике «честного маклера» на Берлинском конгрессе, показывает антигуманный, антидемократический характер позиции Бисмарка, пишет, что осенью 1876 г. он был готов пойти навстречу русскому запросу (относительно войны с Австро-Венгрией) при условии, что Россия гарантирует Германии обладание Эльзасом и Лотарингией, что означало бы резкое обострение отношений между Россией и Францией и полную изоляцию последней⁴⁷. Э. Энгельберг, однако, несколько преувеличивает влияние панславизма на внешнюю политику царского правительства⁴⁸, но в целом его глубоко обоснованный анализ событий сходен с концепциями советской историографии.

Политика Англии. В исторической литературе весьма запутан вопрос о характере британской политики в ходе Балканского кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В традиционной английской историографии консервативного толка упорно проводилась идея о якобы чисто «оборонительной и бескорыстной» роли Великобритании в этих событиях. Англия изображалась как «защитница» Турции от «русской агрессии». Такую точку зрения выдвинули еще современники событий Х. Раулинсон и Х. Вормс⁴⁹. Их книги носили публицистический характер, были обусловлены политическими соображениями момента, но положили начало огромной апологетической литературе, ставшей особенно обильной с наступлением империалистической эпохи и прославлявшей политику консервативного правительства Б. Дизраэли. В качестве характерного примера может служить хотя бы его биография, принадлежащая перу Дж. Бекля и В. Монипенни⁵⁰. Эти авторы придерживаются несостоятельной версии об агрессивности политики одной только России в восточном вопросе. В книге английского историка Б. Самнера⁵¹, хотя и делается попытка рассматривать дипломатическую историю в связи с экономическими и социальными факторами, Балканский кризис необоснованно представляется как следствие интриг русской дипломатии. Самнер продолжает традиционную концепцию оправдания английской захватнической политики необходимостью обороны от «русской агрессии» и обходит молчанием экспансионистские цели Англии.

Эта точка зрения получила поддержку и за океаном. Американский историк У. Лангер выставляет в качестве виновника восточного

⁴⁵ «Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung». В. 1971, S. 145—149.

⁴⁶ «Die grosspreussisch-militärische Reichsgründung 1871. Voraussetzungen und Folgen». Bd. 2. В. 1971, S. 304.

⁴⁷ E. Engelberg. Deutschland von 1871 bis 1897. В. 1965, S. 89—90, 92, 100, 102, 104—107.

⁴⁸ Ibid., S. 100—102.

⁴⁹ H. Raulinson. England and Russia on the East. L. 1876; H. Worms. England's Policy on the East. L. 1876.

⁵⁰ G. Buckle and W. F. Monypenny. The Life of Disraeli, Vol. 1—6. L. 1920—1931.

⁵¹ B. H. Sumner. Russia and the Balkans, 1870—1880. L. 1937.

кризиса Россию и «панславизм», а политику Англии изображает как исключительно оборонительную⁵². С ним сходится и другой американский историк, профессор Стэнфордского университета Д. Харрис. Претендуя на объективность изложения, он пишет, что Дизраэли был якобы вынужден оставить Боснию и Герцеговину на произвол Турции с целью помешать России добиться полного освобождения всех славянских провинций Османской империи. Англия, по его словам, была «другом Турции»⁵³.

Одновременно с консервативной версией родилась и либеральная интерпретация политики Англии в ближневосточном кризисе 70-х годов XIX века. Отражая мнение оппозиционной политической партии, концепция либеральных авторов была обусловлена соображениями политической борьбы и конкретными обстоятельствами своего времени. Либеральная партия победила консерваторов на выборах 1880 г. в основном под лозунгами критики дорогостоящей агрессивной внешней политики последних. Во время предвыборной кампании осенью 1879 г. лидер либералов У. Гладстон резко критиковал протурецкий курс правительства Дизраэли, считая подобную политику глубоко ошибочной. «Как прежде он призывал турок к ответу, так теперь он звал лордов Биконсфилда и Солсбери к ответу перед общественным мнением за их поведение, особенно в области внешней политики»⁵⁴, — пишет один из панегиристов Гладстона. Начавшаяся с работ герцога Аргайльского и П. Клэйдена⁵⁵, которые критиковали агрессивный курс Дизраэли с целью привлечения на сторону своей партии избирателей, либеральная историография выросла со временем в обширную и помпезную «гладстониаду». Гладстона его почитатели изображали в виде некоего идеального уникама среди политических деятелей XIX в., чуждого земных материальных интересов и следовавшего в жизни и политике лишь гуманистическим соображениям христианской морали. В работах либеральных английских историков Гладстон предстает как принципиальный противник агрессивной внешней политики и колониальных захватов, сторонник мира и сокращения военных расходов, «друг» угнетенных и малых народов⁵⁶.

Развернутая Гладстоном в 1876 г. с определенными политическими целями анитурецкая кампания и критика правительственного курса на Ближнем Востоке, а также выход в свет его памфлета «Болгарские ужасы», в котором он призывал изгнать султана с европейского континента «со всеми его пожитками»⁵⁷, способствовали укоренению среди современников и в позднейшей историографии легенды о Гладстоне как последовательном «защитнике» славянства и непримиримом враге турецкого деспотизма. Подобная точка зрения проникла и на страницы русской дореволюционной либеральной литературы⁵⁸. Один из представителей либеральной историографии, Р. Ситон-Уотсон, рассматривает политику Дизраэли как ошибочную, а самого Дизраэли как творца определенного курса внешней политики объявляет попросту «историческим мифом»⁵⁹. Ситон-Уотсон подчеркивает попытки

⁵² W. L. Langer. *European Alliances and Alignments, 1871—1890*. N. Y. 1931. pp. 66, 73, etc.

⁵³ D. Harris. *A Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875—1878*. L.—N. Y. 1936, pp. 18, 33.

⁵⁴ P. Knapplund. *Gladstone's Foreign Policy*. N. Y.—L. 1935, p. 72.

⁵⁵ Arguill, Duke of. *The Eastern Question from 1856 to 1878*. Vol. 1—2. L. 1879; P. W. Clayden. *England under Lord Beaconsfield*. L. 1880.

⁵⁶ J. Morley. *The Life of Gladstone* W. E. Vol. 1—3. L. 1911; P. Knapplund. *Op. cit.*; Ph. Magnus. *Gladstone. A Biography*. L. 1954.

⁵⁷ Цит. по: E. Fitzmaurice. *The Life of Granville*. Vol. 2. L. 1906, p. 165.

⁵⁸ С. С. Татищев. *Император Александр II Его жизнь и царствование*. СПб. 1903; Л. Фелькнер. *Славянская борьба 1875—1876 гг.* СПб. 1877.

⁵⁹ P. W. Seton-Watson. *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*. L. 1935.

царского правительства разрешить Балканский кризис 1875—1878 гг. дипломатическим путем. Но на книге Ситона-Уотсона также лежит печать идеализации либералов во главе с Гладстоном и субъективно-идеалистического подхода к историческим явлениям.

Классовая сущность политики правительства Дизраэли в связи с балканскими событиями 1875—1878 гг., а также позиция либеральной партии во главе с Гладстоном широко освещены в работах советских историков Х. Муратова, Е. В. Елисейевой, М. К. Гринвальд, Г. Н. Реутова, О. Б. Шпаро⁶⁰. Обобщенная, всесторонняя характеристика ближневосточного кризиса 70-х годов XIX в. и политики держав, включая и Англию, дана в III и IV главах написанного В. М. Хвостовым фундаментального труда «История дипломатии» (т. II. М. 1963).

На основании изучения большого конкретно-исторического материала советские исследователи установили, что действия Англии на Балканах и на Ближнем Востоке в целом в 1875—1878 гг. отражали ее экспансионистский курс, направленный на противодействие национально-освободительным движениям балканских народов против турецкого владычества, подчинение британскому влиянию Турции и частичный раздел или захват ее владений, особенно Египта и Кипра. Консервативный кабинет Дизраэли широко применял вмешательство во внутренние дела Турции, выразившееся, в частности, в смещении при участии английской дипломатии султана Абдул-Азиза, а затем и Мурада V. Дипломатия Дизраэли была направлена не на поддержку Турции, а на подталкивание ее к войне с Россией и подавление национально-освободительных движений в Османской империи с целью ослабить как Турцию, так и Россию, а затем потребовать «компенсаций». Англия успешно подстрекала Турцию к войне⁶¹, которая началась не столько в интересах последней, сколько нужна была Дизраэли для того, чтобы заставить ее просить о помощи: прислать флот в проливы, высадить десант и т. д. Хотя пресловутые заявления о «сохранении независимости и целостности» Османской империи по-прежнему оставались традиционным лозунгом английских консерваторов, британский премьер после покупки в 1875 г. контрольного пакета акций Суэцкого канала строил планы получения в виде «уступки» со стороны Турции какого-либо порта или острова для английской военной базы. В этом плане фигурировали даже Варна, Батум и др. пункты⁶². Таким образом, официальный тезис о «защите» Турции являлся лишь прикрытием истинных намерений Англии по отношению к ней.

Советские историки, не игнорируя влияния либеральной буржуазной идеологии на политику Гладстона, учитывают прежде всего классовые основы политического курса либералов — то, что либеральная партия выражала интересы части английской буржуазии, знаменем которой было фритредерство. И если «обновленный демократический торизм», глашатаем которого выступал Дизраэли, принес первые веяния новой, империалистической эпохи с ее культом безудержной колониальной экспансии, то либералы еще были твердыми сторонниками фритредерства. Их призывы к воздержанию от прямых колониальных

⁶⁰ Х. Муратов. Роль Англии в «восточном кризисе» (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 гг.). «Историк-марксист», 1940, № 7; Е. В. Елисейева. Политика Дизраэли в «восточном вопросе» накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Канд. дисс. М. 1949; е е же. Из истории агрессивной политики Великобритании на Ближнем Востоке в 1875—1877 гг. «Ученые записки» МГПИ имени В. П. Потемкина. Т. XIV, вып. 1, кафедра истории нового времени. М. 1951; М. К. Гринвальд. Отношение либеральной партии к агрессивной и реакционной политике кабинета Дизраэли на Ближнем Востоке в 1875—1878 гг. Автореф. канд. дисс. Л. 1951; Г. Н. Реутов. Ближневосточная политика Великобритании в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и подготовка захвата Кипра. Автореф. канд. дисс. Л. 1957; О. Б. Шпаро. Захват Кипра Англией. М. 1974.

⁶¹ Х. Муратов. Указ. соч., стр. 79.

⁶² Е. В. Елисейева. Из истории агрессивной политики Великобритании..., стр. 51.

захватов и войн, стремление к экономии средств за счет сокращения военных расходов вытекали из интересов тех кругов английской буржуазии, которые в то время не получали непосредственных выгод от колониальных войн и больше уповали на экономическую экспансию под флагом свободы торговли. Кроме того, оппозиция английских либералов политике Дизраэли отражала нежелание платить дополнительные налоги на осуществление прямых колониальных захватов.

Вторым обстоятельством, обусловившим тактику либералов, были соображения, продиктованные подготовкой к парламентским выборам. Критика агрессивной дорогостоящей внешней политики консерваторов и антитурецкая агитация были борьбой за голоса избирателей, не получивших выгод от политики Дизраэли. Либеральная оппозиция предлагала свою, несколько отличную от консервативной, внешнеполитическую линию. Эта линия в конечном счете также выражала интересы английской буржуазии, но иным способом. Консерваторы стремились подчинить своему влиянию Балканский полуостров, официально делая ставку на Турцию и султанский деспотизм. Либералы же считали, что Англии выгоднее ориентироваться не на дряхлеющую Турцию, а добиваться поддержки со стороны балканских народов. Симпатии к освободительной борьбе южных славян были широко распространены среди простых людей Англии, и либералы также учитывали это. Отсюда выступления либералов в парламенте, полные жалости к угнетенным славянам, тогда как речи консерваторов дышали злобой и пренебрежением к ним⁶³.

В выступлениях либералов красной нитью проходит мысль о том, что именно независимые или автономные балканские государства могли бы под английским влиянием стать барьером, отделяющим Россию от проливов и Константинополя. Утверждение либеральной историографии о русофильстве Гладстона требует оговорки. В своем памфлете «Болгарские ужасы» он критиковал английское правительство не за антирусскую политику, а за неумелое ее ведение, вследствие чего англичане «под предлогом противодействия и угроз» в адрес России «постоянно и очень неловко играли ей на руку»⁶⁴. Следует, однако, заметить, что хотя Гладстон также имел в виду ослабление позиций России на Балканском полуострове, он намеревался осуществить ее вытеснение из этого района путем содействия славянам. Рассмотрев отношение либеральной оппозиции к ближневосточному кризису 70-х годов XIX в. на различных его этапах, Е. В. Елисеева пришла к выводу, что «оно определялось не принципиальными расхождениями с консерваторами о конечных целях английской внешней политики на Балканах, а политической конъюнктурой внутри страны, которая давала возможность либералам использовать благоприятную обстановку для борьбы за возвращение к власти»⁶⁵. Во всяком случае, либералы широко использовали искреннее возмущение многих простых людей Англии турецкими жестокостями в отношении славянских народов. Что же касается постоянных апелляций Гладстона к категориям добра и зла, справедливости и разума при обосновании им своих политических позиций, то его религиозно-моральные принципы, конечно, имели значение, но не помешали ему, например, симпатизировать рабовладельческому Югу в годы гражданской войны в США.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. правительство Дизраэли афишировало себя как защитника проливов, Галлиполийского полуострова и Константинополя от возможного занятия их русскими войсками, но Дизраэли при этом вынашивал планы оккупации Англией зоны проливов. «Хотел бы видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в качестве материальной гаран-

⁶³ Там же, стр. 64.

⁶⁴ Там же, стр. 69.

⁶⁵ Там же, стр. 87.

тии»⁶⁶, — писал он британскому послу в Константинополе О. Г. Лайарду. Дизраэли приказал британскому флоту в феврале 1878 г. пройти через Дарданеллы в Мраморное море без разрешения султана.

После Сан-Стефанского мира кабинет Дизраэли стремился ограничить уступки со стороны Турции в пользу России и славянских народов Балканского полуострова. Вместе с Австро-Венгрией он не желал допустить там образования большого славянского государства и грозил войной. Как известно, пересмотренные условия мира были вначале зафиксированы в русско-английском соглашении от 30 мая 1878 года. Спустя пять дней было подписано англо-турецкое соглашение, вошедшее в историю под названием «Кипрской конвенции». Этот договор выявил действительные цели, которые британское правительство преследовало в ближневосточном кризисе. Подчиняя себе Кипр и обеспечивая право вмешательства во внутренние дела Турции, Англия стремилась придать благовидную внешность этой конвенции, выдавая свой захват Кипра за «добровольную уступку» его Портой. Утверждение ряда английских историков о том, что со стороны Турции конвенция была добровольным актом, а со стороны Англии — «бескорыстным», направленным на защиту слабой Турции, представляется явно несостоятельным⁶⁷. Уже самый факт, что англо-турецкое соглашение, которое декларировалось в качестве гарантии против дальнейшего продвижения русских войск на азиатском театре войны, было заключено после русско-английского, в котором была намечена будущая русско-турецкая граница в Закавказье, показывает несостоятельность заявлений британской дипломатии о «защите» Турции.

На деле «Кипрская конвенция» была вырвана Англией у Турции путем угроз⁶⁸. Советские исследователи установили, что захват Кипра подготавливался английским правительством еще до русско-турецкой войны⁶⁹. Остров этот предполагалось использовать как плацдарм для дальнейшего английского продвижения в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где главным объектом британской экспансии был Египет. Купив в 1875 г. контрольный пакет акций Компании Суэцкого канала, британское правительство, по существу, стало хозяином этой важнейшей водной артерии. Это был первый акт в истории закабаления Египта Англией. Стратегическим оплотом для дальнейшей экспансии в этом направлении стал Кипр с его важным географическим положением.

На Берлинском конгрессе обсуждался, как известно, статус черноморских проливов. Главным противником действовавших в то время международных конвенций о закрытии проливов для военных судов выступила Англия. Целью британской дипломатии было стремление добиться такого режима в проливах, который позволял бы английскому флоту проходить через Босфор и Дарданеллы в Черное море и держать под угрозой русское Черноморское побережье, что давало бы Англии большую свободу рук в Афганистане, Иране, Турецкой империи. Британский представитель на конгрессе лорд Солсбери объявил, что принцип закрытия проливов для военных судов носит характер обязательств держав перед султаном. Следовательно, это обязательство отпадает, если султан пригласит флот той или иной державы в проливы. Современный американский историк Б. Елавич характеризует заявление Солсбери как стремление «освободить английскую сторону от соблюдения соглашения по проливам»⁷⁰.

⁶⁶ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 118—123.

⁶⁷ См. Г. Н. Реутов. Указ. соч.

⁶⁸ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 129; Г. Н. Реутов. Указ. соч., стр. 127—129.

⁶⁹ О. Б. Шпаро. Указ. соч., стр. 29—30, 270—271.

⁷⁰ В. Jelavich. *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question. 1870—1887.* Bloomington — L. 1973, p. 124.

Следует признать, что ряд западных буржуазных историков теперь все чаще отказывается от безоговорочной трактовки позиции Англии в 1875—1878 гг. как «защиты» Турции от «русской агрессии». Та же Б. Елавич пишет, что «защита» интересов Турции провозглашалась лишь в качестве прикрытия английской политики, преследовавшей узкоэгоистические цели. «Защитники» Турции — Англия и Австро-Венгрия — «не только не имели намерения поддерживать интересы Порты, но, как стало ясно к 1878 г., они также имели определенные виды на территорию раздела Турции. Австро-Венгрия и Англия без единого выстрела захватили: первая — Боснию и Герцеговину, вторая — Кипр.

Позиция Франции и Италии. В отличие от детального анализа политики Англии, Германии и Австро-Венгрии в советской историографии дана лишь весьма общая характеристика позиции Франции в период Балканского кризиса 1875—1878 годов. Французское правительство стремилось в то время предотвратить войну на Балканском полуострове. Конфликт России с Турцией представлялся руководителям французской внешней политики опасным, так как он мог бы развязать Германии руки для нападения на Францию⁷². Именно поэтому французские дипломаты старались удержать Черногорию⁷³ и Сербию от войны. Французские деловые круги, связанные с банками, инвестировавшими капиталы в Турции, опасались укрепления влияния России в Османской империи. Конкуренция с английскими финансистами в Турции не мешала им сотрудничать с ними в целях противодействия России. Финансовые круги Франции стояли за «невмешательство» в Балканский кризис. Более широкие слои французской буржуазии, не имевшие прямых интересов на Ближнем Востоке, продолжали считать главной опасностью германскую угрозу. Они видели в России прежде всего противовес Германии и выражали определенные симпатии русской политике в ближневосточном кризисе⁷⁴.

Политика балансирования между Россией и Англией проводилась французской дипломатией в начале Балканского кризиса и нашла свое отражение в поведении французского представителя на Константинопольской конференции в ноябре 1876 года. Официальный циркуляр правительства Франции от 19 ноября 1876 г. говорил о том, что она не имеет непосредственных интересов в этом конфликте и стремится к миру и согласию между европейскими державами. Но в строго секретной инструкции французским уполномоченным было указано, что они должны поддерживать на конференции Россию⁷⁵. В довольно сложной обстановке французские представители придерживались этой инструкции на конференции, которая, как известно, окончилась безрезультатно. С началом русско-турецкой войны французское правительство заявило о своем полном и строгом нейтралитете⁷⁶, и в целом он был благожелательным для России.

Однако вскоре после поражения монархическо-клерикальных сил во главе с Мак-Магоном и победы буржуазных республиканцев новое французское правительство повернуло к сближению с Англией и Австро-Венгрией, противниками России. Французская пресса, связанная с правительственными кругами, стала выступать против политики России на Ближнем Востоке. Согласно новому внешнеполитическому курсу, на Берлинском конгрессе французские уполномоченные не только оказали под-

⁷¹ Ibid., p. 110.

⁷² А. З. Манфред. Внешняя политика Франции 1871—1891. М. 1952, стр. 189. См. также: «Франко-германский кризис 1875 г.». «Красный архив», 1938, т. 91; Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. М. 1951.

⁷³ Д. Вујовић. Црна Гора и Француска. 1860—1914. Цетинье. 1971, ст. 202—204 и сл.

⁷⁴ А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 190—194.

⁷⁵ «Documents diplomatiques français, 1871—1914». Т. 2. P. 1930, №№ 115, 116.

⁷⁶ Ibid., № 159.

держку западным державам, но и создавали затруднения для России⁷⁷. Французская финансовая буржуазия, заинтересованная в сохранении и расширении позиций французского капитала на Ближнем Востоке, усматривала в России опасного соперника; в славянских народах, поддерживаемых Россией, она видела ее политическую опору. Поэтому французские дипломаты противодействовали планам России и освободительным стремлениям славянских народов. Они подчеркивали линию на «территориальную целостность Турции», то есть на сохранение османского феодального гнета на Балканах. «Целостность» Турции была нужна французской буржуазии для того, чтобы получить с нее ростовщические проценты по займам, а освобождение славянских народов от османского господства могло сократить эти доходы французских капиталистов. Практически политика «незапятнанных рук», провозглашенная французским кабинетом, свелась к поддержке Англии и Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе.

Италия после 1870 г. уже считалась входящей в число великих держав, но ее роль в ближневосточном кризисе была сравнительно малозначительной и почти не освещена в советской историографии. В ходе Берлинского конгресса итальянские уполномоченные пытались добиться «компенсаций» за усиление Австро-Венгрии. Один русский дипломат заметил по этому поводу: «На каком основании итальянцы требуют себе приращения территории? Разве они опять проиграли сражение?», — намекая на территориальные приобретения Италии, полученные после войны 1866 г. невзирая на сокрушительное поражение итальянцев при Кустоцце⁷⁸. Немецкие и австрийские партнеры Италии обращали ее внимание на Тунис. Ирредентистское движение за присоединение к Италии Триеста не оказало влияния на развитие Балканского кризиса. Следует подчеркнуть, что политика Италии на Балканском полуострове в 70-х годах XIX в. в советской историографии еще специально не исследована.

Резюмируя, можно отметить, что в целом советская историография вместе с учеными-марксистами социалистических стран пришла к объективным и обоснованным выводам о политике великих держав в Балканском кризисе 1875—1878 гг. и в огромной степени способствовала всестороннему изучению этого явления во всей его сложности и противоречивости. Особенно это относится к балканской политике России, русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и различным аспектам ее влияния на национально-освободительное движение балканских народов, которому русская армия оказала мощную поддержку. Раскрыты были противоречивые стороны войны 1877—1878 гг., роль в ней реакционных интересов царизма и других правительств, объективно прогрессивные последствия побед русской армии для балканских народов, показаны совместные действия патриотических сил славянских народов с русской армией, вошедшие в историю как незабываемые страницы боевого содружества и взаимной поддержки. То же касается русско-румынских отношений и боевого сотрудничества русских и румынских войск в 1877—1878 годах. Политика России и действия русской армии спасли Сербию от полного разгрома. С другой стороны, реакционный компромисс царского правительства с Австро-Венгрией еще до начала войны и затем давление западных держав на Берлинском конгрессе способствовали оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Англия использовала Балканский кризис для захвата Кипра. «Защитники» Турции получили компенсации за ее счет. Большой вклад внесен в изучение общественных течений в России и их отношения к Балканскому кризису и русско-турецкой войне, широкого движения в России в поддержку южных славян.

⁷⁷ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 130.

⁷⁸ «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 49; «История Италии». Т. II. М. 1970. стр. 282.

Еще недостаточно, однако, изучена деятельность добровольцев, позиция различных групп народников в отношении южнославянского освободительного движения и русско-турецкой войны. Как известно, часть народников считала, что передовым силам русского общества нет дела до освободительного движения южных славян и что поддержка его лишь отвлекает внутренние силы России от борьбы за социальное освобождение. Эта тенденция части народников не может расцениваться позитивно и характеризует их идейно-теоретическую слабость, недооценку ими национально-освободительных движений балканских славян, иллюзии относительно непосредственного перехода к полному социальному освобождению без развития капитализма и революционного рабочего движения, без сочетания борьбы за социальное освобождение с демократической борьбой и против царизма, и против национального гнета. Проблема эта требует, конечно, специального исследования. В то же время не изучены еще многие архивные материалы. Особенно это касается отношений России с Сербией и Черногорией в рассматриваемый период, политики России на Балканах накануне Балканского кризиса, то есть в начале 70-х годов XIX в. и непосредственно после Берлинского конгресса.

Таковы основные результаты, достигнутые советской исторической наукой в исследовании политики великих держав на Балканском полуострове в 1875—1878 гг. в сопоставлении с некоторыми концепциями западноевропейской историографии.
